

АДВОКАТ НЕВОЗМОЖНЫХ

Цикл фантастических рассказов

ФЕМИДА-7

РОМАН МИХАЙЛОВ

Роман Михайлов
Адвокат невозможных

«Автор»

2026

Михайлов Р.

Адвокат невозможных / Р. Михайлов — «Автор», 2026

Недалёкое будущее. Технологии научились делать то, для чего у права ещё нет слов. А там, где молчит закон, выходит он — адвокат Артём Левин. Он берётся за дела, от которых отказываются все: где норму ещё не придумали, а жить уже надо. Ребёнок, выношенный искусственной утробой и осиротевший до рождения, — человек он или никто? Олигарх, чьё тело умерло, а сознание язвит из сети, — жив он или его наследство можно делить? Пёс, по ошибке получивший человеческий разум, — имущество или личность? Тело, выращенное как сосуд для чужой жизни, но проснувшееся своей собственной, — заготовка или новорождённый? Истории о праве, которое вечно отстаёт от жизни, и об адвокате, который этот разрыв собой закрывает. О том, что человеком делает не способ, каким ты пришёл в мир, а то, что внутри. И о почти забытой истине: иногда самая большая победа — это когда никто не проиграл. Фантастика, где за каждым невероятным сюжетом стоит настоящая статья закона.

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Насцитурус	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Адвокат невозможных

Насчитурус

Дождь над Питером сегодня прошел по расписанию - Комитет по климату сводил его на ночные часы, чтобы не мешал движению, и к утру улицы блестели чисто вымытыми. Артём Левин поднялся к зданию суда по эскалатору-ленте, мимо стены, где городская справочная система узнала его лицо и беззвучно высветила в воздухе: «Левин А. С., зал 7, заседание в 10:00, до начала 12 минут». Он давно привык, что город знает о нём больше, чем он сам успеет вспомнить, и давно перестал этому удивляться. Беспилотные такси выстраивались у подъезда ровной дугой, как рыбы в косяке; над ними, на фасаде Дворца правосудия, медленно поворачивалась голографическая Фемида с весами - единственное, что осталось здесь от прежних веков.

Зал номер семь районного суда не имел окон, и Левин давно перестал из-за этого нервничать. Свет здесь был лучше любого дневного - мягкий, ровный, без теней, словно сама комната не хотела, чтобы кто-то прятал лицо. Стены из тёплого песочного композита поглощали звук так чисто, что собственный голос казался чужим. А там, где в старых судах громоздилось деревянное возвышение с государственным гербом, теперь была только матовая чёрная панель во всю стену и пять букв под ней: ФЕМИ. С.

Федеральная единая магистратура информационных систем. Судья.

Левин разложил перед собой тонкий планшет, хотя и знал, что бумаги ему не понадобятся - система видела все материалы дела раньше, чем он входил в зал. Он раскладывал их по привычке. Двадцать два года практики, из них последние шесть - вот в таких залах, перед чёрной панелью вместо человека в мантии, а руки всё равно сами тянулись к бумаге. Старая школа.

Напротив, за столом ответчика, устраивался Глеб Сотников. Молодой, дорогостоящий адвокат, в костюме оттенка мокрого асфальта, с той гладкой уверенностью, которую дают только выигранные дела и хороший процессор в нагрудном импланте-секретаре. Он коротко кивнул Левину - вежливо и пусто.

- Артём Сергеевич, - сказал Сотников. - Не ожидал, что опека наймёт именно вас. Дело то на полчаса.

- Тогда вы быстро освободитесь, - ответил Левин.

За спиной Сотникова сидела его доверительница - Лидия Карловна Венгер, сестра покойной. Сорок с небольшим, прямая спина, кольца, лицо человека, который уже мысленно расставил мебель в квартирах, ещё ему не принадлежащих. Она не смотрела на Левина. Она смотрела на чёрную панель - как на банкомат, который вот-вот выдаст наличные.

Истца в зале не было. Истцу было шесть недель от роду, и он спал в Доме ребёнка номер четыре, в кровати с подогревом, не подозревая, что в зале номер семь решается, человек ли он вообще.

- Заседание открыто, - произнесла панель.

Голос ФЕМИДЫ был ни мужским, ни женским - спокойный, средней высоты, с едва уловимой паузой перед каждой фразой, будто система всякий раз заново решала, стоит ли говорить именно так. Разработчики называли это «интонацией взвешенности». Левин про себя звал это вежливостью машины, которой некуда спешить.

- Слушается гражданское дело по иску органа опеки и попечительства, действующего в защиту интересов несовершеннолетнего, обозначенного в материалах как Ребёнок М., к гражданке Венгер Лидии Карловне. Предмет иска: установление происхождения ребенка от умерших Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича и признание за ребенком права

собственности в порядке наследования. Истца представляет адвокат Левин. Ответчика - адвокат Сотников. Стороны, подтвердите готовность.

- Готов, - сказал Левин.

- Готов, - сказал Сотников.

- Перед началом, - продолжила ФЕМИДА, - напоминая сторонам принцип работы суда. Я не выношу решение на основании внутреннего убеждения. Я выношу его на основании закона, представленных доказательств и логической непротиворечивости аргументов. Любая сторона вправе запросить раскрытие цепочки рассуждений, приведшей к решению. Любая сторона вправе обжаловать решение в Апелляционной инстанции, где председательствует человек. Права ясны, отводы имеются?

- Права ясны, отводов нет, - отозвались оба.

Над столами развернулись полупрозрачные панели - личные интерфейсы. На них мерцали статьи кодексов, подсвеченные системой как «релевантные». Левин заметил, что ФЕМИДА уже вывела перед ним пункт 1 статьи 48 Семейного кодекса. Она знала, на чем будет стоять защита ребенка. Она знала и на чем будет стоять Сотников. Она просто ждала, кто как это повернет.

- Слово стороне ответчика для изложения позиции, - сказала панель. - Поскольку именно ответчик оспаривает само наличие у истца наследственных прав.

Сотников поднялся. Он не суетился, не перебирал бумаг - он говорил так, будто читал заранее одобренный приговор.

- Уважаемый суд. Дело это кажется сложным только из-за своей новизны. По существу же оно простое, и я прошу не позволить новизне заслонить закон.

Он сделал паузу - ровно такую, какую делают, когда знают, что их слушают.

- Восьмого марта сего года в автомобильной катастрофе погибли супруги Венгер - Мария Карловна и Игорь Дмитриевич. На момент гибели у них не было детей. Они не могли зачать естественным путём и обратились в перинатальный центр «Геностарт», где прошли процедуру экстракорпорального оплодотворения. Полученный эмбрион был помещен не в тело матери - Мария Венгер по медицинским показаниям не могла вынашивать, - а в систему искусственного вынашивания. В народе её называют «искусственной утробой». Аппарат «Гестомат-3».

На общей панели возникло изображение: матовая капсула, оплетенная трубками, с прозрачным сегментом, за которым угадывался силуэт. Лидия Венгер чуть отвернулась.

Левин смотрел на капсулу, и зал на мгновение поплыл.

Полтора года назад Мария и Игорь Венгер сидели у него в кабинете - он вел их дела, и когда речь зашла о процедуре, именно он сопровождал их к нотариусу, оформлять то самое согласие, что теперь лежало в деле на листе под номером двенадцать. Он стоял рядом, когда нотариус зачитывала им текст и они ставили подписи. Он помнил, как Игорь, большой и неловкий, все держал жену за руку поверх стола, будто боялся, что ее унесет. Как Мария, бледная после третьего курса лечения, сказала тихо: «Доктор говорит, мое тело не выносит. Но клетки живые. Ребенок может быть. Просто... в другом месте». Помнил, как она запнулась на словах «в другом месте» - точно так же, как сейчас запнулся Сотников на слове «извлечен». Будто и мать, и чужой адвокат одинаково не находили имени тому, что закон не назвал.

В клинике «Геностарт» им показывали такую же капсулу - Мария потом описывала Левину, смеясь и плача одновременно: теплая, размером с большое кресло, с мягким голубоватым свечением внутри и тихим, ровным звуком, как сердце за стеной. «Я приложила ладонь, - говорила она, - а оно толкнулось мне в ответ. Через стекло. Понимаете? Через стекло - как живое». Игорь тогда сказал, что будет приходить каждую неделю и читать капсуле вслух, чтобы ребёнок привыкал к голосу. Левин не знал, успел ли он. Восьмое марта, мокрое шоссе,

встречная фура на автопилоте, который потом признают исправным, - все это случилось на седьмом месяце. Капсула осталась читать сама себе.

- Артем Сергеевич? - голос Сотникова вернул его в зал. - Вы со мной?

- Я слушаю вас внимательнее, чем вы думаете, - ответил Левин.

- На момент гибели супругов плод находился в этом аппарате на седьмом месяце развития. Родители его не увидели. Спустя два месяца после их смерти аппарат завершил цикл, и ребенок... - Сотников чуть запнулся, подбирая слово, и Левин это отметил, - ...и ребенок был извлечён. Живым. Это единственный факт, который сторона ответчика не оспаривает: ребенок жив.

Он развёл руками.

- Но все остальное, уважаемый суд, рушится об один-единственный пункт закона. Пункт первый статьи сорок восемь Семейного кодекса Российской Федерации. Цитирую дословно: «Происхождение ребенка от матери, материнство, устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинской организации». Рождение. Ребенка. Матерью.

Слова повисли в идеальной тишине зала.

- Закон не знает иного материнства, кроме рождения. Мать - та, что родила. Это аксиома российского семейного права, на ней стоит вся глава десятая кодекса. Но Мария Венгер никого не рожала. Она умерла за два месяца до того, как аппарат «Гестомат» завершил цикл. Ребенка родила не женщина. Его родила машина. И вот здесь, - Сотников понизил голос, - закон молчит. А там, где закон молчит, суд не вправе додумывать за законодателя.

Он повернулся вполоборота, словно обращаясь уже не к панели, а к пустому залу.

- Кто этот ребенок юридически? У него нет матери в смысле статьи сорок восемь - потому что никто его не рожал. Нет установленного происхождения. А раз нет происхождения от Марии Венгер - нет и родственной связи. А раз нет родственной связи - нет и права наследовать по закону, по статье тысяча сто сорок второй Гражданского кодекса, где наследниками первой очереди названы дети наследодателя. Он не «дитя наследодателя» в установленном законом смысле. Он, при всем моем сострадании к младенцу, юридически - никто. Продукт медицинской процедуры, не доведенной до конца ее заказчиками.

- Прошу занести в протокол, - тихо сказал Левин, - что представитель ответчика назвал шестинедельного ребенка «продуктом».

- Занесено, - откликнулась ФЕМИДА.

Сотников чуть поджал губы, но не сбился.

- Единственный законный наследник супругов Венгер - родная сестра Марии Карловны, моя доверительница Лидия Карловна Венгер. Наследник второй очереди, призываемый к наследованию при отсутствии наследников первой очереди. А первой очереди - нет. Ребенок не может ее занять, потому что закон не признает его рожденным. Наследственная масса - три объекта недвижимости и денежные средства на вкладах общей суммой свыше восьмидесяти миллионов рублей - должна перейти к ней. Это не жестокость. Это закон. У меня все.

Он сел. Лидия Венгер впервые за заседание позволила себе короткую, почти незаметную улыбку.

- Сторона истца, - произнесла панель. - Ваша позиция.

Левин не встал сразу. Он знал цену паузе не хуже Сотникова. Несколько секунд он смотрел на черную панель, потом заговорил - негромко, словно продолжал давно начатый разговор.

- Уважаемый суд. Мой коллега построил красивое здание. Я хочу показать, что оно стоит на фундаменте, которого нет.

Он коснулся своей панели, и в воздух поднялась статья 48.

- Коллега прочёл нам пункт первый статьи сорок восемь и сказал: закон знает только материнство через рождение. Но он остановился ровно там, где ему было удобно. Дочитаем фразу до конца. «...а в случае рождения ребенка вне медицинской организации - на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств». Иных доказательств, уважаемый суд. Законодатель прямо допустил, что бывают случаи, которые не укладываются в стандартную процедуру, и для них оставил открытую дверь - иные доказательства происхождения. Статья сорок восемь не гимн рождению. Это норма о доказывании. Она отвечает на вопрос «как доказать, от кого ребенок», а вовсе не «достойн ли ребенок называться человеком».

- Это расширительное толкование, - вставил Сотников. - Норма говорит о рождении вне медицинской организации, а не о рождении вне человека.

- Я еще не закончил, - мягко сказал Левин. - Уважаемый суд, я прошу зафиксировать сам прием моего оппонента. Он подменил вопрос. Перед судом стоят два разных вопроса, и он слил их в один, чтобы утопить ребенка. Вопрос первый: жив ли этот ребенок и существует ли он как человек, как лицо, как субъект права. Вопрос второй: можно ли установить, что он происходит именно от супругов Венгер. Коллега отвечает на второй вопрос отрицательно и делает вид, будто этим закрыл первый. Но первый вопрос закон решил без нас. Давным-давно.

Он сменил документ. Поднялась новая статья.

- Статья семнадцать Гражданского кодекса. Пункт второй. «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Ребенок рожден. Извлечен живым, задышал, закричал, получил свидетельство о рождении, выданное органом ЗАГС, - оно есть в материалах дела, том первый, лист сорок. С этого мгновения он - гражданин Российской Федерации, обладающий правоспособностью. Не «продукт процедуры». Не «никто». Гражданин. Способность наследовать - часть его правоспособности, и она у него возникла в ту секунду, когда он сделал первый вдох. Спорить с этим - значит спорить не со мной, а со статьей семнадцать.

- Способность наследовать вообще - да, - парировал Сотников, не дожидаясь слова. - Наследовать после этих конкретных людей - нет. Нет доказанного происхождения. Вы сами признали, что это разные вопросы.

- Признал. И перехожу ко второму. - Левин чуть улыбнулся. - Спасибо, коллега, что ведете меня за руку.

В зале как будто стало чуть светлее - или Левину показалось.

- Уважаемый суд, мой оппонент утверждает, что происхождение ребенка от Марии и Игоря Венгер невозможно установить, потому что Мария его не рожала. Но происхождение - это не про то, кто вытолкнул ребенка на свет. Происхождение - это про то, чья жизнь продолжается в этом ребенке. И здесь у нас не свидетельские показания, не «иные доказательства» в смысле соседки, видевшей роды. Здесь у нас нечто, чего не было в распоряжении судов двадцатого века.

Он поднял руку, и над столом развернулась генетическая карта - две спирали и третья между ними, подсвеченная совпадениями.

- Молекулярно-генетическая экспертиза, проведенная по определению суда. Том второй. Заключение однозначно: биологический материал истца на девяносто девять и девять десятых процента происходит от супругов Венгер. Это их сын. Не Лидии Карловны. Не центра «Гено-старт». Не аппарата «Гестомат», у которого, при всем уважении к инженерам, нет ни хромосом, ни наследства. Эмбрион был создан из половых клеток Марии и Игоря, при их жизни, по их письменному и нотариально удостоверенному согласию - оно тоже в деле, том первый, лист двенадцать. Я знаю это согласие лучше, чем кто-либо в этом зале: я вел дела этой семьи и сам сопровождал супругов к нотариусу, я стоял рядом, когда они его подписывали. Я сидел напро-

тив этих людей за полтора года до сегодняшнего дня. Они не «заказывали продукт», как выразился мой коллега, — они шли через лечение, через отчаяние, через клиники, чтобы у них был сын. Они хотели этого ребенка так, как немногие хотят детей, зачатых попроще. Они оплатили его жизнь вперед. Они не дожили — но это уже вопрос не происхождения, а трагедии.

Левин сделал шаг от стола.

- И вот теперь, уважаемый суд, главное. Мой оппонент изобразил дело так, будто перед нами небывалый казус, дыра в законе, куда он предлагает аккуратно спустить ребенка вместе с его наследством. Но дыры нет. Римское право знало эту ситуацию еще две тысячи лет назад, а мы переняли это у них. Она называется одним словом.

Он сделал паузу.

- Насцитурус. Зачатый, но ещё не рожденный. Статья тысяча сто шестнадцать Гражданского кодекса. Цитирую: «К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства».

Генетическая карта погасла, и вместо нее в воздухе остались две строки текста, подсвеченные янтарным.

- Прочтем медленно, потому что здесь рушится все здание моего коллеги. Закон называет два условия для наследника, который еще не родился к моменту смерти наследодателя. Первое: «зачатые при жизни наследодателя». Второе: «родившиеся живыми после открытия наследства». И все. Ни единого слова - ни единого, уважаемый суд, - о том, что ребенок должен быть рожден матерью. Из ее тела. Естественным путем. Закон говорит «зачатые» и «родившиеся живыми». Он не говорит «рожденные женщиной».

Сотников поднялся:

- Норма о насцитурусе писалась для обычной беременности. Законодатель имел в виду вдову, носящую ребенка умершего мужа. Он физически не мог иметь в виду аппарат.

- Безусловно не мог, - кивнул Левин. - В тысяча девятьсот девяносто пятом году, когда писали третью часть кодекса, «Гестоматов» не существовало. Но, уважаемый суд, закон живет не намерениями давно ушедших депутатов, а собственными словами. Законодатель выбрал слово «зачатые», а не «выношенные». Выбрал «родившиеся живыми», а не «рожденные матерью». Если бы он хотел сказать «вышедшие из материнского тела» — он умел это писать, посмотрите на статью сорок восемь, там слово «рождение матерью» стоит прямым текстом. А в статье тысяча сто шестнадцать его нет. Это не случайность языка. Это и есть та самая открытая дверь, и захлопнуть ее перед шестинедельным гражданином может только тот, кто очень хочет получить его квартиры.

- Возражение, - резко сказал Сотников. — Переход на личность доверительницы.

- Снимаю формулировку, - спокойно ответил Левин. - Оставляю смысл.

- Сторонам предлагается воздержаться от взаимных характеристик, - произнесла ФЕМИДА. - Адвокат Сотников, у вас есть контрдовод по существу толкования статьи тысяча сто шестнадцать?

Сотников помолчал секунду дольше, чем хотел.

- Есть. Уважаемый суд, насцитурус - это ребенок, зачатый естественно и находящийся в утробе матери на момент смерти наследодателя. Связь «мать - плод» здесь телесная, непрерывная. В нашем случае этой связи нет: мать мертва, плод существует отдельно от любого человеческого тела, в аппарате. Нельзя называть насцитурусом то, что развивается в машине. Это юридическая натяжка.

- Принято к рассмотрению, - сказала панель. - Адвокат Левин, ответьте на довод о телесной связи.

Левин кивнул - он ждал этого.

- Уважаемый суд, мой оппонент только что добавил к закону слово, которого в нем нет. Он сказал: nasciturus должен находиться «в утробе матери». Откройте текст статьи тысяча сто шестнадцать. Там нет слова «утроба». Там нет слова «мать». Там есть «зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми». Мой оппонент дважды за одно заседание дописывает за законодателя недостающие ему слова - сначала в статью сорок восемь, теперь в статью тысяча сто шестнадцать. Я понимаю, зачем: без этих дописок его позиция рассыпается. Но суд применяет закон, который есть, а не тот, который был бы удобен ответчику.

Он повернулся к генетической карте, снова мерцавшей в воздухе.

- Был ли ребенок зачат при жизни наследодателей? Да. Экспертиза центра «Геностарт» с точностью до часа фиксирует момент оплодотворения - задолго до восьмого марта, до катастрофы. Зачат при их жизни - условие первое выполнено. Родился ли он живым после открытия наследства? Да. Извлечен живым через два месяца после их гибели, есть свидетельство о рождении - условие второе выполнено. Оба условия статьи тысяча сто шестнадцать соблюдены буквально, по тексту, без единого толкования в мою пользу. Это моему оппоненту приходится толковать и дописывать. Мне достаточно просто прочитать.

Левин выпрямился.

- А что до «телесной связи»... уважаемый суд, я двадцать два года хожу в эти залы и впервые слышу, чтобы право собственности ребенка ставили в зависимость от того, в каком сосуде он провел свои девять месяцев - в материнском или в стеклянном. Кровь Венгеров в его венах одна и та же в обоих случаях. Любовь, с которой Мария и Игорь шли в клинику, одна и та же. Их подпись под согласием на эту жизнь - одна и та же. Изменился только сосуд. Неужели стенка аппарата, толщиной в полтора сантиметра, отделяет человека от его наследства, от его родителей, от его имени? Если суд согласится с моим оппонентом, она создаст в стране новый сорт людей — рожденных не так, как надо. Полуграждан. Тех, у кого правоспособность есть, а родителей по закону — нет. И сделает это в тот самый год, когда таких детей в России родились уже сотни. Мой доверитель — один из первых. Не последний.

Он сел.

— У стороны истца все.

В зале стало очень тихо. Лидия Венгер больше не смотрела на черную панель как на банкомат. Она смотрела на нее как на дверь, за которой принимают решение без нее.

- Стороны исчерпали доводы? - спросила ФЕМИДА.

- Да, - сказал Левин.

- Да, - нехотя сказал Сотников.

- Суд удаляется для вынесения решения. Расчетное время - четыре минуты. Стороны вправе ожидать в зале.

Раньше судья уходил в совещательную комнату, и можно было хотя бы гадать по лицу, вышедшему обратно. Теперь лица не было. Была черная панель, по которой едва заметно бежали тонкие светлые линии - система разворачивала тысячи прецедентов, сверяла формулировки, выстраивала ту самую цепочку рассуждений, которую любая сторона могла потом потребовать раскрыть до последнего звена. Четыре минуты Левин просто дышал. Сотников проверял что-то в своем импланте. Лидия Венгер не двигалась.

Ровно через три минуты пятьдесят одну секунду линии на панели замерли.

- Решение вынесено, - сказала ФЕМИДА. - Прошу стороны выслушать резолютивную часть.

Левин положил ладонь на холодный планшет.

- По делу установлено следующее. Истец, Ребенок М., является живым гражданином Российской Федерации, обладающим правоспособностью с момента рождения в силу пункта второго статьи семнадцать Гражданского кодекса. Молекулярно-генетическая экспер-

тиза достоверно подтверждает его происхождение от Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича. Зачатие произведено при их жизни, при наличии нотариально удостоверенного согласия обоих, что соответствует первому условию пункта первого статьи тысяча сто шестнадцать Гражданского кодекса. Рождение живым после открытия наследства подтверждается свидетельством о рождении и соответствует второму условию той же нормы.

Панель сделала свою фирменную паузу взвешенности.

- Довод ответчика о том, что отсутствие вынашивания человеческим организмом исключает применение статьи тысяча сто шестнадцать, судом отклонен. Норма устанавливает два условия - зачатие при жизни наследодателя и живорождение после открытия наследства и не содержит требования о вынашивании плода телом матери либо о рождении ребенка матерью. Расширение нормы за счет условий, в ней не предусмотренных, недопустимо, поскольку противоречит принципу правовой определенности и не может применяться во вред правам ребенка. Толкование, предложенное стороной ответчика, привело бы к лишению правоспособного гражданина наследственных прав исключительно по признаку способа его внутриутробного развития, что является дискриминацией, запрещенной статьей девятнадцать Конституции Российской Федерации.

Левин закрыл глаза. Двадцать два года, а сердце все равно колотилось как на первом процессе.

- Суд решил. Установить происхождение несовершеннолетнего Ребенка М. от Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича. Признать за несовершеннолетним право собственности в порядке наследования по закону как за наследником первой очереди на все наследственное имущество, включая три объекта недвижимости и денежные средства на вкладах. В удовлетворении требований Венгер Лидии Карловны как наследника второй очереди отказать ввиду наличия наследника первой очереди. Решение может быть обжаловано в Апелляционную коллегию в течение тридцати дней. Заседание закрыто.

Светлые линии на панели погасли. Зал номер семь снова стал просто комнатой без окон.

Сотников собирал вещи молча. У двери он все же задержался рядом с Левиным.

- Мы подадим апелляцию. Там человек председательствует. Живой судья может решить иначе.

- Может, - согласился Левин. - Но знаете, в чем ирония, Глеб? Вы весь процесс пугали машину тем, что она бездушна. Что она не поймет живого ребенка. А она прочитала закон ровно так, как написано, и не отняла у мальчика ни рубля. Бездушная машина оказалась к нему человечнее, чем родная тетка с живой, как вы говорите, душой. Подавайте апелляцию. Посмотрим, чья возьмет.

Сотников ничего не ответил и вышел. Лидия Венгер прошла мимо, не взглянув на Левина, и в кольцах ее отразился ровный свет без теней.

Левин еще минуту сидел один в пустом зале. Потом сложил бумаги, которые так и не открыл, и достал планшет - позвонить в Дом ребенка номер четыре. Заведующая ответила сразу.

- Выиграли, - сказал Левин. - Он наследник. Все, что родители ему оставили, - его.

- Слава богу, - выдохнула женщина на том конце. - А ему имя надо. В свидетельстве пока «Ребенок М.». Совсем не дело.

Левин подумал о двух спиралях, подсвеченных третьей между ними. О подписях под согласием - двух подписей людей, которых уже нет на свете, оставивших после себя одну новую жизнь.

- Мирон, - сказал он неожиданно для себя. - Если опека не против. Мирон Игоревич Венгер. От слова «мир». Хорошее имя для того, с кого все началось.

Он убрал планшет и вышел из зала без окон. Город встретил его умытыми после ночного дождя улицами и косяком беспилотных такси у подъезда. Справочная система снова узнала его лицо и высветила в воздухе короткое: «Левин А. С., заседаний на сегодня нет». Город знал про него все - где он был, куда едет, сколько ему осталось дел до вечера.

И только про одного человека во всем этом всезнающем городе система пока молчала. В Доме ребенка номер четыре, в кроватке с подогревом, спал гражданин Российской Федерации, которого еще час назад закон не умел назвать, а теперь - с полным правом собственности на три квартиры и восемьдесят миллионов - звали Мирон. Первый из тех, кого выносила машина. Не последний.

Левин поднял воротник, шагнул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.